

A decorative Gothic arch frame with intricate tracery and pinnacles, enclosing the text.

СОЧИНЕНІЯ

Θ. БУЛГАРИНА.

— — — — —
II.
— — — — —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

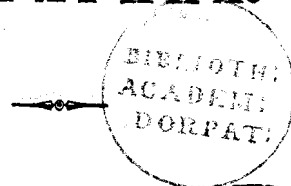
1836.

A decorative base with a repeating pattern of stylized, interlocking heart or scroll shapes.

СОЧИНЕНІЯ

ФАДЕЯ

БУЛГАРИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1836.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

у Книгопродавца Лисенкова.

ПРАВЫ И ЮМОРИСТИКА.

—
ПРАВЫ.

— № I. —

Печатать позволяется съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С.-Петербургъ, 26 Сентября 1836 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

ЧУВСТВА И ЧУВСТВОВАНИЯ.

ПРИКЛОЧЕНИЕ ВЪ МАСКАРАДЪ.

(Очерки нашихъ современныхъ нравовъ.)

Мы упрекаемъ Французовъ въ вѣтренности и непостоянствѣ. Современные Англичане заслуживаютъ этотъ упрекъ, только не въ отношеніи забавъ и наслажденій: въ этомъ они постоянны. — Таланты и общественныя увеселенія въ Парижѣ не выходятъ изъ моды. Мадемуазель Марсъ отъ шестнадцатилѣтняго до шестидесятилѣтняго возраста.

Ч. II.

Въ Гуттенберговой Типографіи.

раста не перестаетъ восхищать Парижскую публику. Итальянскій театръ даетъ сряду по пятидесяти представлений одной пьесы. Франкони до сихъ поръ не наскучилъ Парижанамъ, и публичные балы и маскарады всегда наполнены народомъ. Если бъ въ Парижъ, на лучшей улицъ, отдѣланъ былъ домъ съ такимъ вкусомъ и великолѣпьемъ, какъ домъ Г-жи Энгельгардъ, въ Петербургъ, на Невскомъ проспектѣ, то въ два, три года одинъ этажъ заплатилъ бы весь домъ. А у насъ? У насъ въ первый годъ бросились смотреть прекрасныхъ замъ—и тѣмъ дѣло кончилось! Иностранцы говорятъ, что мы, Русскіе, не умѣемъ веселиться въ публикѣ; что мы слишкомъ чинны, важны при чужихъ людяхъ, и приносимъ жертву Момусу тихомолкомъ, или въ кругу задумчивыхъ пріятелей. Справедливы ли эти упреки, оставляю разрѣшить кому угодно, однако жъ не берусь защищать насъ.

Шумно, душно и тѣсно было въ одномъ изъ первыхъ маскарадовъ, въ домъ Энгельгардъ. Французская болтовня, пискъ, хохотъ

и звуки музыки сливались въ одинъ гулъ. — Недоставало однихъ танцевъ, чтобъ не забыться, что это не Парижскій маскарадъ. Высшее Петербургское общество приняло участіе, въ этотъ день, въ публичной забавѣ, а наше высшее общество умѣетъ веселиться, если захочетъ. Оно могло бы сдѣлать рай изъ нашего однообразнаго Петербурга, если бъ захотѣло здѣлаться душою публичныхъ забавъ, какъ-то бывало во время существованія баловъ въ музыкальномъ клубѣ и маскарадовъ у Фельета, въ домъ Кушелева. — Между тѣмъ, какъ ловкіе и остроумные придворные кавалеры, гвардейскіе офицеры и члены посольствъ защищались силою ума отъ нападеній замаскированныхъ очаровательницъ; между, тѣмъ какъ маскарадная вольность поражала тысячи забавныхъ сценъ, и мистификаціи возбуждали любопытство, между тѣмъ, какъ толпы веселились неспротивнымъ веселіемъ, другія толпы двигались медленно, чинно, безмолвно, какъ въ погребальномъ шествіи. Въ этой толпѣ былъ одинъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати пя-

ти, приятной наружности, безъ маски, въ гражданскомъ вице-мундирѣ, съ орденомъ въ петлицѣ. Сложъ руки на груди и нагнувъ шляпу на глаза, онъ машинально передвигалъ ноги, и уже пятый разъ обошелъ вокругъ всѣхъ компанъ, не замѣчая никого и ничего, погруженный въ думу.

Наконецъ, уставъ, онъ сѣлъ на софѣ, въ той комнатѣ, которая примыкаетъ къ столовой залѣ, со стороны канала. Позади этой комнаты устроены буфетъ. Въ буфетъ вошелъ другой человекъ во фракъ, также безъ маски, съ усами, съ Марсовой физиономіей. Онъ разстегнулъ фракъ, и на лѣвомъ отворотѣ заблестѣли Георгій, Владиміръ съ бантомъ, медаль на голубой лентѣ и золотая сабелка. — Первый молодой человекъ вскочилъ съ софы, подбѣжалъ къ усачу, и бросился обнимать его, воскликнувъ: «Давно ли здѣсь, Александръ!»

— «Ба! это ты, Мишель! здоровъ ли! А я намѣревался завтра отыскать тебя.... Я вчера только изъ Москвы, и два мѣсяца, какъ возвратился съ Кавказа!...»

— «Поздравляю! ты весь въ орденахъ!....»

— «Да, братецъ! несчастливилось! — Дай Богъ здоровья нашему Эриванскому герою, а съ нимъ не долго ждать славы, опасностей и наградъ! Онъ не любитъ, чтобъ передъ Русскимъ фрунтомъ грубіянили чужія пушки, и чтобъ чужой флагъ на крѣпости дразнилъ Русское знамя! — А ты знаешь, братецъ, что Георгій и Владиміры съ бантомъ растутъ на непріятельскихъ пушкахъ и на крѣпостныхъ стѣнахъ.... Дался случай, такъ и сорвалъ!...»

— «И ты вышелъ въ отставку?»

— «Нечего дѣлать! Тяжкія домашнія обстоятельства *принудили*, въ полномъ смыслѣ слова *принудили*! Отецъ мой скончался въ прошломъ году; мать больна и слаба; двѣ сестры только что вышли изъ Института; имѣнье въ разстройствѣ, проклятый процессъ.... Ну, братецъ, ей Богу лучше во сто разъ имѣть дѣло съ Курдами и Лезгинами, чѣмъ съ вашей братьей, юристами! Мнѣ надобно будетъ посоветоваться съ то-

бой, и я надѣюсь, что ты, какъ старинный другъ и школьный товарищъ, укажешь мнѣ краткую пезицію на нашемъ полѣ сраженія.... А каковы твои дѣла, какъ ты служишь, какъ живешь?»

— «Плохо, братецъ — не везетъ! Два раза представляли къ чину. Одно представление *не прошло*, другое *застыло*. Представилась откомандировка — съездить, и ничего *не получилъ*. Дали особое порученіе, и только — поблагодарили.... Къ знаку безпорочной службы остается еще три года!... Я, братецъ самый несчастный человекъ!»

— «Но мнѣ сказывали, въ Москвѣ, что ты женишься на прелестной дѣвицѣ.... Твой братъ, Сергѣй, говорилъ мнѣ объ ней съ восторгомъ.... Онъ уверялъ, что твоя невеста красавица, умна, добра, хорошей фамиліи, и даже не бѣдна, хотя, впрочемъ, деньги пустое, при умѣ, красотѣ и добротѣ. Какъ же ты можешь почитать себя несчастливымъ; женись на такой дѣвицѣ!..»

— «Это, братецъ, *дѣло постороннее!* Изволишь видѣть, я два года занималъ долж-

ность Начальника Отдѣленія, и никто не сомнѣвался, что меня утвердить въ должностѣ, анъ вышло напротивъ! — Другой схватилъ мѣсто!..»

— «Но женитьба твоя!... Расскажи мнѣ, пожалуйста, о твоей невестѣ, о твоей любви!..»

— «Это, братецъ, *дѣло постороннее....* Здѣсь учредилась новая Коммиссія. Я надѣялся попасть туда, и вѣрно *получилъ бы тамъ что нибудь*... анъ вышло напротивъ! Пока мнѣ обѣщали, всѣ мѣста пополнились, и я остался ни съ чѣмъ....»

— «Остался съ милою невестою и съ любовью.... Если тебя не утѣшитъ любовь, то ничто не насытитъ....»

— «Любовь, братецъ, *дѣло постороннее....* Всѣ товарищи мои далеко ушли впередъ, а меня давить судьба. Вотъ и ты, Александръ, весь обвѣшанъ, Маіоръ въ отставкѣ!..»

— «Ступай на Кавказъ, подерись съ Горцами... Тамъ, братецъ, для всѣхъ довольно мѣста; передъ пулей ничто не заступитъ тебя дороги.»

— «Что Горцы! Здесь свои паездники, съ которыми нѣтъ силъ управиться. — Чуть оглянись, такъ и попалъ на арканъ! Нельзя вѣрить ни обещаніямъ, ни увѣреніямъ, ни клятвамъ....»

— «Но развѣ невеста твой обманула тебя, изменила тебѣ?...»

— «Ахъ, любезнѣйшій, ты все говоришь *о постороннихъ!*»

Между тѣмъ, пока друзья разговаривали, къ буфету подошла толпа дамъ и мужчинъ. Друзья удалились, и отставной офицеръ сказалъ: «Я видѣлъ здѣсь чудную красавицу. Она поправляла маску передъ зеркаломъ, и не замѣтила меня. — Отъ роду не видалъ ничего подобнаго! Нѣсколько словъ, которыя она произнесла.... раздались какъ музыка въ ушахъ моихъ! Пойду отыскивать ее.... Авось узнаю, кто она!.. Пособи мнѣ, Мишель! Пойдемъ, надѣнемъ маски и домины, и вмѣшаемся въ толпу! Моя красавица въ розовомъ доминѣ, обшитомъ кружевами, и на шеѣ у ней изумрудовый фермуаръ....»

Молодые люди сошли внизъ, надѣли маски и домины, и воротились въ залу. Двѣ дамы, въ розовыхъ доминахъ, сидѣли возлѣ колоннъ, и разговаривали между собою. Молодые люди, ставъ за колоннами, стали прислушиваться.

— «Твой женихъ здѣсь.... Я видѣла его....»

— «И я видѣла, но болѣе не увижу въ жизни!»

— «Что это значить?»

— «Случайно я подслушала разговоръ его съ старымъ школьнымъ товарищемъ. Этотъ разговоръ открылъ мнѣ вполне его душу. Она холодна какъ чернилица! — Природа надѣлила товарища его *густованіями*, а ему дала одни *густва*. Любовь, для бывшаго моего жениха, есть *дѣло постороннее*; теперь онъ для меня *посторонняя вещь*....»

— «Но онъ былъ такъ нѣженъ, въжливъ, почтителенъ!»

— «Онъ повторялъ передо мной уроки искаательства и субординаціи.»

— «Онъ такъ скромнѣ!»

— «Какъ канцелярскій столъ!»

— «Угодникъ!...»

— «Какъ докладчикъ... Но полно...

Я не хочу *служить* съ мужемъ моимъ...»

Шумъ воспренятетвовалъ молодымъ людямъ дослушать разговоръ дамъ.

Отставной офицеръ обошелъ кругомъ колоннъ, и возвратясь на прежнее мѣсто, сказалъ своему товарищу: «Это *она*! Я видѣлъ зеленый фермуаръ...»

Товарищъ не отвѣчалъ ни слова.

Черезъ три мѣсяца отставной офицеръ женился на невѣстѣ школьнаго своего товарища, а этотъ уѣхалъ въ Иркутскъ, съ повышеніемъ чина и надеждами на скорую награду, радуясь, что не женился, потому что родители его невѣсты не соглашались на отъѣздъ изъ Петербурга, а безъ этого не лзя было получить повышенія не въ очередь. Всѣ были довольны!

— № II. —

О Т Р Ы В К И

ИЗЪ ТАЙНЫХЪ ЗАПИСОКЪ СТАНЦИОН-
НАГО СМОТРИТЕЛЯ НА ПЕТЕРБУРГ-
СКОМЪ ТРАКТѢ,

или

*Картинная галерея нравствен-
ныхъ портретовъ.*

—

Одинъ великій Писатель * сказалъ: «Кто хочетъ измѣрить высоту горы, тотъ долженъ стать въ долину, у подножія горы. Равнымъ образомъ тотъ только можетъ знать людей, занимающихъ высокія степени, кто смотритъ на нихъ съ нижней ступени.» Судьба поста-

* Макиавель въ сочиненіи: Il principe.

вила меня, Станціоннаго Смотрителя (по милости Божіей и начальниковъ), ниже послѣдней ступени лѣствицы гражданскаго порядка, и изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣляется гражданская іерархія, мнѣ не досталось въ удѣлъ ни одного. По мѣсту моему, пользуюсь я правомъ послѣдняго класса, для предохраненія меня отъ побоевъ и грубостей, которые имѣютъ всегда въ запасѣ путешественники, какъ бы налегкѣ ни ѣхали. Но право мое не простирается далѣе почтоваго двора, и въ пятидесяти шагахъ отъ станціи исчезаетъ, подобно власти Удѣльнаго Князя, за предѣлами его владѣній.

Родился я въ почтенномъ духовномъ званіи, и попеченіями благого Правительства воспитанъ въ Семинаріи. Но судьба немилосердо играетъ участію смертныхъ, не взирая на права рожденія, и поселяетъ въ людяхъ страсти и желанія, весьма часто противоположныя правамъ рожденія. Такимъ образомъ иной Князь или Графъ, сынъ Министра или Генерала, вмѣсто того, чтобъ идти путемъ, проложеннымъ заслугами отца, прилѣпляется

къ какому нибудь мастерству или званію, опредѣленнымъ для низшихъ сословій: получаетъ, напримѣръ, страсть къ кучерству, и предпочитаетъ бразды колесницы, браздамъ правленія. Ни мало не обвиняю я сихъ господъ за то, что они слѣдуютъ внушенію своихъ склонностей, и занимаются тѣмъ, къ чему болѣе способны, ибо гораздо лучше хорошо править лошадьми, чѣмъ, занимая важную должность по службѣ, сбивать людей съ дороги, т. е. съ толку, отъ собственнаго безтолковія. — На основаніи этого правила, и я отказался отъ духовнаго званія, не чувствуя себя способнымъ къ оному, и, кажется, поступилъ весьма благоразумно. — Если бы я родился во времена идолопоклонства, то избралъ бы для себя званіе *прорицателя* (*augur*), ибо природа дала мнѣ въ удѣлъ болѣе проницательности, нежели ума, и гораздо сильнѣйшее желаніе знать или прозирать въ будущее, чѣмъ заниматься настоящимъ. — Съ такимъ расположеніемъ я мало учился въ Семинаріи тому, чему насъ учили, и все старался забывать впередъ, приготавливая себя

чтениемъ къ разгадыванію будущихъ уроковъ. Вышедши изъ Семинаріи, я заботился не о томъ, чѣмъ надлежало заняться въ настоящемъ, чтобъ имѣть кусокъ хлѣба, по все составлялъ планы, чѣмъ я быть долженъ со временемъ. Изъ этого вышло, что въ головѣ моей составилась какой-то хаосъ изъ всѣхъ наукъ, похожій на безпорядокъ, когда всѣ лошади разорвутъ поводья въ конюшнѣ, въ почную пору, и станутъ бѣгать и брыкаться; по службѣ же я похожъ на курьера, засѣвшего въ грязи со сломанной телегой, который мыслью рвется впередъ, а тѣломъ лежитъ недвижимо на большой дорогѣ. — Разбирая философски всѣ званія и должности, я избралъ службу въ Почтамтѣ, семь средоточіи всѣхъ новостей, ожиданій, надеждъ, и если понинѣ не удовлетворилъ честолюбію своему и не обезпечилъ будущей участи, то по крайней мѣрѣ угодилъ господствующей во мнѣ страсти къ прорицательству и догадкамъ. Я избралъ для своего жительства и служенія такую точку на Земномъ шарѣ, въ которой весь міръ отражается, *какъ солнце*

съ малой каплей воды, по словамъ Державина. Почтовая станція, какъ волшебный фоляръ, мгновенно превращается въ кабинетъ Министра, въ биржу, въ спальню щастливыхъ супруговъ, въ столовую обжоры, въ рабочую комнату ученаго, въ концертную залу, въ уборную кокетки, въ госпиталь, въ залу дипломатическихъ совѣщаній, словомъ: почтовая станція принимаетъ всѣ виды и замѣняетъ собою цѣлые обширные города, сообразно званію, характеру и страстямъ проѣзжихъ. Какое обильное поприще для прорицанія, для догадокъ и для наблюденій! Если бѣ человекъ, живущій въ самой дѣятельной изъ Европейскихъ столицъ, имѣющій самый обширный кругъ знакомства, могъ имѣть сорокъ паръ неутомимыхъ ногъ и триста шестьдесятъ самыхъ чуткихъ ушей, то онъ въ десять лѣтъ не узналъ бы того, перебѣгая изъ дома въ домъ въ большомъ городѣ, то можно узнать въ одинъ годъ на почтовой станціи. Главнѣйшія причины сего суть: смѣсь всѣхъ званій и состояній въ тѣсномъ мѣстѣ, и неприужденность, которою каждый

хочетъ пользоваться въ дорогѣ. Провѣзжающіе почитаютъ Станціоннаго Смотрителя болѣе машиною, нежели человекомъ, и поступаютъ въ его присутствіи непринужденно, какъ дома; слѣдовательно Смотритель имѣетъ ту выгоду предъ всѣми наблюдателями, что разсматриваетъ людей дома, тогда какъ Философы видятъ ихъ только на сценѣ свѣта. Пользуясь моимъ положеніемъ, я на почтовой станціи узналъ свѣтъ и людей гораздо лучше, нежели многіе умные и знатные, которые должны знать это по должности, и такъ пристрастился къ моему мѣсту, что не промѣнялъ бы его на Директорское, — если бы только финансы мои были въ лучшемъ состояніи.

Но если разсудить хорошенько, то мнѣ грѣшно завидовать тѣмъ, которые получаютъ болѣе жалованья, нежели я. — Главное дѣло въ жизни быть сытымъ, одѣтымъ и имѣть квартиру. Все это есть у меня, по милости Божіей и начальниковъ, а сверхъ того по временамъ перепадаетъ мнѣ кое-что отъ избытка людей богатыхъ и роскошныхъ.

Каждый привѣзжающій начинаетъ рѣчь со мной тремя вопросами: 1) Есть ли лошади? (2) Далеко ли до другой станціи? (3) Какова дорога впереди? — Когда отвѣты удовлетворительны, привѣзжающій вступаетъ весело въ комнату, и благосклоненъ ко мнѣ. Если онъ купецъ, иностранецъ или неслужащій помѣщикъ, то рѣдко спрашиваетъ сдачи, и рублишка, другой остаются у меня въ карманѣ. — Рѣдкій кисеть съ табакомъ или сигарочница не оставляютъ мнѣ дани, когда хозяинъ ихъ, привѣзжающій, веселъ и разговорчивъ. Четыре раза въ сутки, т. е. въ то время, когда содержательница трактира на станціи варитъ кофе, завтракаетъ, обѣдаетъ, пьетъ чай и ужинаетъ, я приглашаю привѣзжающихъ, весьма вѣжливо, подождать, пока накормятъ лошадей (обыкновенная отговорка къ задержанію), и общаю запрячь самыхъ лучшихъ, советую, между тѣмъ, выкушать кофею, чаю, пообѣдать или поужинать, расхваливая искусство поварихи, принасы, и особенно превознося сливки. Я замѣтилъ вообще, что люди гораздо болѣе ѣдятъ и пьютъ,

или по крайней мѣрѣ желаютъ болѣе вѣтъ и пѣть въ путешествіи, нежели дома. Рѣдкій путешественникъ не соблазнится, если ему станутъ расхваливать съѣстные припасы на станціи. И такъ, доставляя доходъ содержательницѣ трактира, приманкою пріѣзжающихъ, я самъ пользуюсь безпечною столомъ, чаемъ и кофеемъ, т. е. тѣмъ, изъ чего другіе быются въ свѣтъ, какъ рыба объ ледь. — Весьма часто случается, что господа оставляютъ на столѣ неподнутую бутылку вина въ мою пользу, и рѣдкій проѣзжій не поддичаетъ вѣжливаго смотрителя пуншемъ, когда доложитъ ему, что лошади готовы и ямщику приказано ѣхать хорошо. — При сей счастливой жизни бываютъ иногда и неприятности отъ проѣзжающихъ по казенной надобности, особенно при большихъ разгонахъ и дурныхъ дорогахъ, въ осеннее и весеннее время. Тогда всю вину обыкновенно сваливаютъ на смотрителя, какъ будто онъ долженъ сидѣть въ лошадиной шкурѣ, и управлять стихіями, какъ конюшней. Не одному смотрителю станціи, но и людямъ вы-

сокаго званія приходится терпѣть въ жизни за скотовъ, состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи, и такъ должно имѣть терпѣніе; къ тому жъ я открывъ способъ сваливать вину на старосту, т. е. на подчиненнаго моего, и хотя онъ столько же виновенъ, какъ я, по сродному надобно непременно представить виноватаго, чтобъ укротить его гнѣвъ. — Не жалуюсь на судьбу: въ свѣтъ съ каждымъ званіемъ сопряжены неприятности. Одно средство къ смягченію неприятностей — терпѣніе, въ которомъ, по милости Божіей и начальниковъ, у меня нѣтъ недостатка.

Однако жъ, что значить быть Авторомъ! Я задумалъ писать о другихъ, а до сихъ поръ не остановился, расписывая о себѣ. Не удивительно! Другіе такъ мало занимаются мною, что по неволѣ я самъ долженъ вспомнить о себѣ. Впрочемъ, едва ли не всѣ Авторы помышляютъ болѣе о себѣ, нежели о томъ предметѣ, который излагаютъ въ книгѣ, и едва ли не для того пишутъ книги, чтобъ напомнить свѣту о своемъ существованіи. Но пора приступить къ

дѣлу, и показать, искусенъ ли я въ догадкахъ и въ прорицательствѣ.

Вотъ подъѣхалъ къ крыльцу дормезъ въ шесть лошадей. Съ козелъ соскочилъ Русскій служитель, и отдалъ мнѣ подорожную. Его Превосходительства ѣдетъ за границу, къ теплымъ водамъ, для поправленія здоровья. Сзади дормеза мѣсто съ крышкою и фартукомъ, для другаго слуги. Этотъ другой слуга не торопливо вылезаетъ изъ своей будки, оправляется, и важно подходитъ къ дверцамъ дормеза. Угадываю! Это камердинеръ - иностранецъ. Русскій слуга поѣдетъ съ барининомъ только до границы, а въ первомъ иностранномъ городѣ наймутъ другаго слугу, въ помощь камердинеру. Вотъ вылезъ изъ экипажа Его Превосходительства. Онъ оглянулся на всѣ четыре стороны, посмотрѣлъ на солнце, на безоблачное небо, на распускающуюся зелень, и поморщился. Дурной признакъ! — Послѣ него вышелъ изъ дормеза человекъ среднихъ лѣтъ, годами десятую моложе Его Превосходительства, и заговорилъ съ камердинеромъ, кото-

рый, кажется, весьма фамиліаренъ съ товарищемъ своего барина. Понимаю! Этотъ товарищъ — есть компаніонъ, также иностранецъ, взятый въ путешествіе для развлечения Его Превосходительства. Погода теплая, мѣстоположеніе прелестное, но два иностранца начинаютъ бранить нашъ край. Хотя я не учился въ Семинаріи Французскому языку, но на станціи привыкъ различать всѣ языки, и даже вытвердилъ много словъ. Слышу, что они говорятъ: *люве пзи! Франсъ, Франсъ!* Ахъ, почтенные господа! зачѣмъ же вы ѣдете въ нашу землю, если она вамъ не нравится? Видно, вы подражаете тому Римскому Императору, который, перешокивая деньги, приходившія въ казну отъ многообразныхъ податей, никакъ не могъ различить монеты, поступившей отъ купца, торгующаго хлѣбомъ, съ монетою, доставшеюся отъ подрядчика очистки улицъ и подземныхъ трубъ. — Богъ съ вами, господа иноземцы! Берите съ насъ деньги, только не даромъ, или, что еще хуже, не за то, за что бы мы заплатили вдвое, чтобъ не

имѣть вовсе. — Много, весьма много полезнаго заимствовано нами отъ чужеземцевъ! Но, по несчастію, почти всегда такъ случается, что великіе мужи, разливающіе благотельный свѣтъ образованія на родъ человѣческій, хотя часто бываютъ несчастны въ своемъ отечествѣ, рѣдко соглашаются рыскать по свѣту съ своимъ умствешнымъ товаромъ, а разношники ихъ познаній не умѣютъ или не хотятъ продавать иноплеменикамъ то, что нужно ихъ странѣ, а продаютъ по большей части *дрожжи* мудрости. Это вычиталъ я въ одной Русской книгѣ, которой сочинитель преслѣдуется своими собратіями, какъ заяцъ собаками, за то, что любить смѣючись сказать правду.

Вотъ Его Превосходительство вошелъ въ комнату, взялъ съ своимъ компаніономъ, и велѣлъ камердинеру подать лекарство. Изъ любопытства я взглянулъ на коробочку, и узналъ, что это лекарство не что иное, какъ пищеварительныя сахарныя лепешки. Видно, что Французъ-компаніонъ гораздо слабѣе Его Превосходительства, потому что для

укрѣпленія силъ выпилъ большой стаканъ Бургонскаго вина и съѣлъ кусокъ пирожнаго. — Его Превосходительство все морщится, зѣваетъ и вздыхаетъ. На лицѣ его не видно слѣдовъ болѣзни, но на сморщенномъ лбѣ, навислыхъ бровяхъ и мрачномъ взглядѣ примѣтно неудовольствіе. Онъ съѣлъ на капапе, и велѣлъ мнѣ подойти къ себѣ. «Дороги дурны!» сказалъ онъ. — «Осмѣливаюсь доложить В. П., что вы изволили проѣхать одну изъ лучшихъ станцій: дорога недавно починена и гладка, какъ столъ.» — «Лошади не хороши,» примолвилъ Его Превосходительство. — «Курьерскія и В. П. изволили пріѣхать сюда въ половину времени, назначеннаго закономъ.» — «Станція въ безпорядкѣ,» сказалъ Его Превосходительство. — «Прошу извинить, В. П.: лошади хороши, сбруя исправна, ямщики одѣты порядочно, а комнаты содержатся въ чистотѣ. Начальство смотритъ за этимъ строго. Недавно проѣзжалъ здѣсь иностранный Послашникъ, хвалилъ все и всѣмъ былъ очень доволенъ.» — «Что понимаетъ твой Послаш-

никъ!» возразилъ Его Превосходительство: «все дурно, все неисправно! Когда я былъ на мѣстѣ, отъ котораго долженъ былъ отказаться *по слабости здоровья*, то имѣлъ проектъ къ улучшеніямъ и исправленіямъ. Но теперь, пусть дѣлаютъ что хотятъ! А что слышно новаго?» — «Все благополучно, В. П. Урожай былъ хорошій; цѣна на хлѣбъ возвышается; господа, здѣсь кругомъ, все добрые; крестьяне довольны; на суды большихъ жалобъ не слышно, а Исправникъ честный человѣкъ — заслуженный офицеръ, защищаетъ слабого отъ сильнаго.» — «Все вздоръ, все пустое!» сказалъ съ сердцемъ Его Превосходительство. «Когда я занималъ мѣсто, отъ котораго долженъ былъ отказаться *по слабости здоровья*, то имѣлъ случай знать болѣе, что вездѣ дѣлается, нежели ты, бѣдный смотритель. Я знаю, что у васъ все идетъ дурно. Я имѣлъ проектъ къ исправленію всего этого, но теперь мнѣ нѣтъ пужды: пусть дѣлаютъ, что хотятъ! А что говорятъ провѣщающіе? объ чемъ толкуютъ? Чай все недовольны, ропшутъ?» — «Никакъ нѣтъ,

В. П.; напротивъ того, кажется, что довольныхъ едва ли не въ десятеро болѣе. Радуются благополучному окончанію войнъ, доставившимъ Россіи славу и пользу, пріобрѣтеніемъ провинцій для пользы пограничныхъ странъ. Радуются, что Словесность наша ожила въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ; что обращено вниманіе на общественное воспитаніе, на изданіе учебныхъ книгъ; что заведены школы даже для крестьянскихъ дѣтей. Но болѣе всего радуются, что запрещено Указомъ воспитывать Русскихъ баричей за границей, гдѣ изъ нихъ дѣлали иноземныхъ попугаевъ, и вперяли правила, вредныя Россіи. Радуются систематическому изданію законовъ и прекращенію безнаказанности взяточниковъ. Радуются оживленію Русской промышленности, заведенію выставокъ Русскихъ издѣлій. Вообще, осмѣливаюсь доложить Вашему Превосходительству, что я примѣчаю болѣе радости, нежели неудовольствія, и по всему, что въ нѣсколько лѣтъ сдѣлано и начато, многіе предвѣщаютъ счастье, благо, спокойствіе для Рос-